

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ ЛЕСНОВСКИХ КОРЯКОВ¹

В статье рассмотрены типы языковой интерференции, зафиксированные в речи уроженцев села Лесная Тигильского района Камчатской области во время комплексной фольклорно-этнографической экспедиции Института филологии СО РАН 2006 г.

1. Село Лесная и лесновский говор

Село Лесная – один из немногих населенных пунктов Корякского автономного округа, являющийся исконным местом компактного проживания оседлых коряков. Село расположено в северной части западного побережья полуострова Камчатка в нескольких километрах от устья реки Лесная. По нашим данным (на начало 2006 г.), в настоящее время в с. Лесная проживает 301 чел. старше 18 лет, в том числе: коряков – 249 чел., русских – 52 чел. Жителей старшего поколения (старше 60 лет) – 28 чел.

Лесновцы говорят на лесновском говоре, который относится к паланскому диалекту аюторского языка², объединяющему говоры выходцев из нескольких населенных пунктов западного побережья полуострова Камчатка на севере Тигильского района: сел Лесная, Кахтана и Кинкиль, поселков Воямполка и Палана. Жители закрытых в период так называемого «укрупнения» сел Кинкиль и Кахтана были переведены в Палану. В пос. Воямполка в настоящее время носители паланского диалекта не проживают. Таким образом, на паланском диалекте сейчас говорят только в с. Лесная и в пос. Палана, окружном центре Корякского автономного округа, население которого является смешанным.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке исследовательского гранта РГНФ №05-04-04321а «Фольклор коряков».

² Лингвоним *аяторский язык* условно объединяет диалекты четырех локальных групп (полу)оседлых коряков: аюторцев, рекинниковцев, паланцев и карагинцев, которые исконно жили в северной части полуострова Камчатка, как на западном, так и на восточном побережье. О диалектах аюторского языка см. подробнее [Мальцева 2006].

Все оседлые коряки по-русски называют себя *коряками*, а также *нымыланами* (русифицированная форма общего для всех оседлых коряков самоназвания *нымы=л?=-у* 'жители поселка'), имеются также самоназвания по названиям отдельных поселков.

Несколько диалектов оседлых коряков (итканский, паренский, каменский, апукинский), а также чавчувенский диалект кочевых коряков (от самоназвания *чав'чыв* 'оленовод') по лингвистическим параметрам относятся к *корякскому языку*.

2. Социолингвистическая ситуация на западном побережье Камчатки и типы языковой интерференции

Социолингвистическая ситуация на западном побережья Камчатки существенно отличается от ситуации на восточном побережье.

Это связано, прежде всего, с тем, что западное побережье, в отличие от восточного, со времени открытия Камчатки подвергалось массивной русификации. Оседлые коряки западного побережья были полностью христианизированы. Сейчас у них нет собственных корякских имен, как у коряков восточного побережья, только фонетически освоенные русские имена: Олёккий (Алексей), Микифлю (Никифор), Чепан (Степан), Кэчеринэ (Катерина), Лития (Лидия) и др. Утрачены также многие элементы традиционного хозяйственного уклада: традиционным средством передвижения считаются не олени или собаки, а лошади, они используются и для верховой езды, и как вьючные животные, забыты навыки изготовления одежды из шкур (в с. Лесная нам не удалось найти даже образцов меховой одежды, которые шили когда-то из шкур, привозимых с севера).

Результатом интенсивного длительного воздействия на этот регион русской культуры является то, что владение родным языком у уроженцев с. Лесная, как проживающих на родине, так и переехавших в пос. Палана, в целом очень слабое: представители среднего поколения (40-60 лет) и, тем более, младшего, родным языком не владеют, никто из них не может выступить ни в качестве исполнителя фольклорных произведений, ни в качестве консультанта по родному языку при расшифровке текстов. Речь многих представителей старшего поколения представляет собой результат интерференции русского и родного языка, они демонстрируют черты смешанного, или совмещенного, билингвизма [Фрумкина 2003: 170; Мечковская 2000: 171-173], при котором продуцирование связной речи на одном языке затруднено: и речь на русском языке, и речь на родном языке содержит большое количество вкраплений из второго языка.

Кроме того, через эту территорию всегда проходили пути кочевых коряков, и некоторые из оседлых коряков также работали в табунах и интенсивно общались с чавчувенами, в результате чего их родной лесновский говор подвергся влиянию чавчувенского диалекта корякского языка. Взаимодействие между диалектами двух родственных языков не является настолько распространенным, как взаимовлияние русского и родного языка, но, вероятно, такие случаи не единичны.

Последний тип взаимодействия, зафиксированный в речи выходцев из с. Лесная, связан с существованием еще в советское время контактов между оседлыми коряками западного и восточного побережий. Наиболее

социально активная часть населения переходила с побережья на побережье, поддерживая дружественные и родственные связи. Иногда представители разных локальных групп вели совместное хозяйство в виде небольших табунов оленей. Результатом такого взаимодействия было взаимовлияние разных диалектов оседлых коряков. В этом случае можно даже говорить об образовании койне, которое активно использовалось в таких временных междиалектных коллективах и, будучи усвоенным в детстве, до сих пор сохранилось в речи некоторых оседлых коряков.

3. Русско-алюторский смешанный билингвизм

В качестве примера русско-алюторского (русско-лесновского) смешанного билингвизма будет рассмотрена речь Анны Степановны Белоусовой, 1930 г. р., проживающей в пос. Палана. Она родилась в с. Лесная, получила там начальное образование, работала в колхозе овощеводом, после выхода на пенсию потеряла зрение, с 2000 г. живет у детей в пос. Палана. Анна Степановна не может говорить только на лесновском говоре или только на русском языке. На просьбы говорить на одном языке всегда отвечала: «Я буду смешивать».

Взаимовлияние русского и якутского языков анализируется на материале текста 1 (см. в конце статьи), представляющего собой фрагмент рассказа о жизни лесновских коряков в прошлом. В тексте красным выделены русские вкрапления.

Лингвистическая характеристика русско-корякского смешанного билингвизма:

1. Возможно полное переключение кода: замена целого предложения русским (7, 18, 30, 33, 34, 35)³.

2. Наблюдается замена некоторых исконных средств русскими во всех случаях употребления: союзы *а, если, чтоб*.

3. Имеются русские вкрапления в виде словосочетаний и словоформ.

В некоторых случаях исконные средства полностью замещаются русскими словосочетаниями, например: *двоюродные сестры* (2), *со всеми, с многими людьми* (4), или словоформами в грамматически правильной форме, как, например: *женщины* (13), *на зиму* (10), *на рыбалку* (24).

Но чаще использованные русские словоформы повторяются, но уже в исконной или освоенной заимствованной форме, в том же предложении: *на море* – *аҥқа=ч* ‘море=DAT’ (4), или в соседних предложениях: *родители* (2) – *эҥичи=в* ‘отец=PL’ (3); *палатки* (5) – *полоқа=в’в’и* ‘полог=PL’ (26); *раньше* (1, 28) – *эгэв* (27, 41); *много* (3) – *намкэха* (10); *всегда* (7, 12) – *қонпэ(ч)* (3, 11, 17); *босиком* (31) – *эпдэқкэ* (32); *тоже* (37) – *г’опта* (2,

³ В скобках указывается номер предложения из анализируемого текста.

3, 4, 5, 22, 25, 36); *пока* (23, 37) – *пчэ* (9); *и* (4, 5, 6, 8, 11, 12, 20, 37, 39, 40) – *то* (16). Это подтверждает, что в данном случае мы имеем дело не с утратой исконных средств, а с утратой спонтанности их использования.

4. Русские слова в отдельных случаях употребляются некорректно, что обусловлено влиянием родного языка на русский, т. е. неполным освоением нового кода.

Например, в алюторском языке, эргативном по строю, форма имени, выполняющая функцию прямого объекта, стоит в исходной форме абсолютива, поэтому часто имеют место замены форм винительного падежа у русских слов формами именительного падежа:

Рыбалка мэтэткулаткэн – Рыбалку заканчиваем (32); *Мэтэуволаткэн зийкэ икра* – Мы начинаем нанизывать икру (38).

Кроме того, в падежной парадигме алюторского языка отсутствует генитив, нет предлогов, прилагательные не склоняются, что приводит к ошибкам в употреблении русских слов в следующих предложениях:

Стеглянка алрука – Стегляшек не видно (31); *Раньше не было бутылки* – Раньше не было бутылок (28); *Кто-то начинает вешать балагане* – Кто-то начинает вешать на / в балагане (40); *Рарау мэтгэнталлат, в Лесной* – Домой мы бежим, в Лесную (23).

5. Длительное влияние русского языка на говоры оседлых коряков западного побережья проявляется в многочисленных заимствованиях как из русского литературного языка, так и, вероятно, из камчатских русских говоров (ср. *стеклянка* (31)).

Заимствованные слова демонстрируют разную степень грамматического и фонетического освоения, что, скорее всего, говорит о разном времени заимствования.

Встречаются русские основы в алюторской грамматической форме с частичным фонетическим освоением в виде переноса ударения в соответствии с правилами алюторского языка, но с сохранением звонкого согласного, отсутствующего в алюторском языке: *помогат=эк* ‘помогать=INF’ (37).

Имеются случаи использования фонетически освоенных заимствованных основ с сохранением русских грамматических показателей: *путьлк=и* ‘бутылки’ (28). В данном случае звонкий согласный основы заменен на парный глухой ([b] > [p]), гласный среднего ряда заменен на гласный переднего ряда ([i] > [i]).

В отдельных случаях можно говорить о полном освоении основы, когда она адаптирована фонетически и употребляется соответствующей алюторской грамматической форме: *ветра=в’ви* ‘ведра’ (14),

ветра=йпэу ‘по ведру / ведро’ (14), *гамга=полока=к* ‘в каждой палатке (каждый=палатка=LOC)’ (15, от рус. *полог*).

Таким образом, результатом взаимовлияния двух неблизкородственных языков, русского и алюторского, в условиях насильственного освоения носителями алюторского языка русского языка и культуры является русско-алюторский смешанный билингвизм.

4. Влияние корякского языка на алюторский

Почти все оседлые коряки традиционно являлись полусоседными, т. е. часть из них, наиболее трудолюбивые и активные, занималась оленеводством, обеспечивая мясом и шкурами всех своих родственников, живущих на побережье и в значительно большей степени зависящих от природных условий. Поэтому оленеводство для оседлых коряков связано с достатком и уважением со стороны родственников, и оседлый коряк, который решил заниматься оленеводством вместе с чавчувенами, вероятно, должен стремиться освоить основные лингвистические черты их диалекта, чтобы иметь возможность полноценно вести коллективную хозяйственную деятельность.

Влияние корякского языка (чавчувенского диалекта) на алюторский язык (лесновский говор паланского диалекта) рассматривается на примере речи Михаила Григорьевича Яганова, 1929 г. р., старейшего жителя с. Лесная. Он родился в с. Лесная, там же получил начальное образование, а затем окончил сельскохозяйственную школу в пос. Палана. Хорошо говорит по-русски. В течение 40 лет работал в оленеводстве. После выхода на пенсию живет в с. Лесная. Михаил Григорьевич рассказывал, что у него были проблемы в общении, потому что в табуне его воспринимали как оседлого коряка, особенно поначалу, а для лесновцев он был чавчувенном. Наши просьбы говорить по-чавчувенски, по-лесновски, на родном языке не увенчались успехом: он говорил всегда одинаково, на лесновском говоре с вкраплениями из чавчувенского диалекта.

Рассмотрим фрагмент сказки «Как Эмемкут женился на росомахе» (см. текст 2). Для того, чтобы показать, в каких фрагментах текста прослеживается влияние разных родственных языков и диалектов, введено выделение цветом:

красный – паланский диалект алюторского языка (лесновский говор),
синий – чавчувенский диалект корякского языка,
зеленый – недокументированное влияние собственно алюторского диалекта алюторского языка,
не выделено – паланский (лесновский) или чавчувенский.

Лингвистическая характеристика влияния чавчувенского диалекта корякского языка на лесновский говор паланского диалекта алюторского языка:

1. Чавчувенский диалект корякского языка и лесновский говор паланского диалекта алюторского языка, в отличие от русского и алюторского, являются близкородственными, имеют значительное количество общей лексики, сходство в грамматике и фонетике, поэтому большая часть текста (не выделенная) может быть определена только как корякско-алюторская, без возможности диалектной идентификации.

2. Между родственными алюторским и корякским языками имеются определенные фонетические соответствия.

Влияние чавчувенского диалекта проявилось, во-первых, в заменах алюторских согласных на соответствующие чавчувенские: [r] > [j], [t] > [j]: *йайай* 'бубен' (10, 17) (ср. пал. *йайар* (6)); *йэчав* = 'торопиться' (14) (ср. пал. *рэкчав*=); *йэж* = 'что' (ср. пал. *тэж*=).

3. Для чавчувенского диалекта характерны ассимилятивные процессы на границах слогов, отсутствующие в алюторском языке. В речи М. Г. Яганова такой тип ассимиляции встречается: *винуэт* = 'помогать' (2) (ср. пал. *винтэт*=); *пэну* = 'броситься' (14) (ср. пал. *пэнт*=).

4. Корякский язык отличается от алюторского и чукотского языков наличием настоящего времени с циркумфиксом *ку* = / *ко* = - = *у*. Эта форма является грамматическим тестом для определения диалекта как корякского или алюторского. В данном тексте встречаются как алюторские формы настоящего времени (= *ткэн* (1)), так и корякские (*ку* = / *ко* = - = *у* (17)).

5. М. Г. Яганов не помнит, от кого он услышал эту сказку, но некоторые особенности данного текста свидетельствуют о том, что его источником были северные диалекты алюторского языка (рекинниковский или собственно алюторский), влияние которых проявилось в самом сюжете сказки, не характерном для лесновцев, в использовании особой песенной вставки (11, 17), а также в некоторых фонетических особенностях, как-то: нарушение гармонии гласных (7, 8), использование [s] вместо [š] (7, 8).

Таким образом, при ненасильственном влиянии одного близкородственного языка на другой наблюдается освоение наиболее существенных черт фонетики и грамматики более престижного диалекта.

5. Взаимовлияние диалектов одного языка

Взаимовлияние диалектов одного языка отличается от рассмотренных выше случаев взаимодействия тем, что ни одно из взаимодейст-

вующих языковых образований не является более престижным, чем другое.

Уникальным примером такого междиалектного взаимодействия является речь Марии Кондратьевны Ягановой, 1943 г. р., в настоящее время проживающей в пос. Палана. Она родилась в районе с. Лесная, выросла и окончила среднюю школу в с. Карага. Имеет среднее специальное образование (окончила медучилище г. Петропавловска-Камчатского). 7 лет работала в с. Карага медсестрой. С 1975 г. проживает в пос. Палана, работает в санавиации. В советское время ездила с агитбригадами, исполняет как родовые песни, так и песни композиторов Камчатки.

О своем родном языке рассказывает так: до школы и в летний период жила с родителями в табуне, который держали совместно три семьи (семья М. К. Ягановой, семья из Караги и семья с севера восточного побережья Камчатки), поэтому в табуне говорили на особом «тундровом» языке, который понимали все.

Рассмотрим фрагмент сказки «Старуха-нинвит и мыши» (см. текст 3). Разными цветами выделяются словоформы и их части, в которых зафиксировано влияние одного или двух диалектов алюторского языка:

- красный – паланский диалект (лесновский говор),
- синий – собственно алюторский диалект,
- розовый – карагинский диалект,
- зеленый – собственно алюторский или карагинский (но не паланский),
- голубой – паланский или карагинский (но не собственно алюторский),
- желтый – паланский или собственно алюторский (но не карагинский),
- не выделено – любой из диалектов.

Лингвистическая характеристика взаимовлияния диалектов алюторского языка:

1. Данный текст является результатом значительного взаимопроникновения трех диалектов алюторского языка: паланского (лесновский говор), родного диалекта М. К. Ягановой, карагинского и собственно алюторского. Можно выявить случаи влияния каждого из этих диалектов, но, кроме того, эти диалекты имеют значительное сходство между собой, что проявляется как в наличии слов и словоформ (не выделены в тексте), которым невозможно приписать какую-либо диалектную принадлежность, так и в наличии случаев, когда диалекты группируются попарно, противопоставляясь третьему по каким-либо параметрам.

2. Родной лесновский говор исполнительницы проявился в некоторых грамматических, фонетических и лексических особенностях:

- а) строение форм 3-го л. мн. ч. в имперфективе: =*ла*=*ткэн* (1, 2, 4, 6), ср. собств. алют. =*ла*=*ткэ*=*т*, кар. =*ткэ*=*т*;

б) медиальный вариант акционального показателя инхоатива-дуратива =лқэ= (5) характерен только для паланского диалекта (ср. собств. алют., кар. =лқив=);

в) полный вариант наречия қонпәу 'всегда' (1, 2, 3, 4) с широким гласным в основе встречается только в паланском диалекте (ср. собств. алют. қунпәу, қунпә, кар. қонн);

г) основа эйкэт= 'высокий берег реки' отсутствует в других диалектах.

3. Влияние собственно алюторского диалекта просматривается в значительном количестве фонетических закономерностей и наличии особой лексемы:

а) нарушение гармонии гласных, сосуществование в одной словоформе как широких, так и узких гласных (1, 2, 4, 6, 7, 8), например: *пиқи=г'айца=к* (4);

б) монофтонгизация дифтонгов в конечнослоговой позиции: *в'уткэнэ* 'по этому месту' < *в'ут-кай-нэ* (5); *г'оро* 'потом' < *г'о-рав* (6);

в) наращение основы для соблюдения правил слоговой структуры: *әнннә* < *әнн* (8);

г) наличие уникальной лексемы — междометия *йаво* 'погодите'.

4. Влияние карагинского диалекта, в основном, связано с использованием усеченных форм: *һан* 'там' (1, 2) (ср. пал. *һан=эк*); *қор* 'сюда' (5) (ср. пал. *қор=ән*); *тэл* 'туда' (5) (ср. пал. *тэл=ән*); *һуругар* 'втроем' (2) (ср. пал. *һуругэр=э*); *һитэргэр* 'вдвоем' (3) (ср. пал. *һитэргэр=э*); *мәнтәпгал* 'поднимемся-ка мы' (5) (полная форма *мән=тәпгал=ла*).

5. Некоторые словоформы могут быть отнесены к одному из двух диалектов:

а) в паланском и карагинском диалектах имеется гармония гласных по признаку подъема: *гәнәкйәвлән* 'разбудили ее' (ср. собств. алют. *гәнәкйәвлин*);

б) для паланского и собственно алюторского диалектов характерны особые лексемы: *в'айән* 'вот этот' (5), *амалван* 'по-разному' (4);

в) в собственно алюторском и карагинском диалектах наречие со значением 'здесь' имеет форму *в'утку* (5) (ср. пал. *һутәкку*).

Таким образом, взаимовлияние диалектов одного языка в ситуации равноправного взаимодействия приводит к их значительному взаимопроникновению с образованием особого рода койне.

Анна Степановна Белоусова. Фрагмент рассказа о жизни

1.	Раньше мәтйонатәлқэла ҫмисәра тәттәд.	Раньше мы жили хорошо очень.
2.	Г'опта родители гәмнинә никэв' вай двоюродные сестры...	И родители мои, как их, вот, двоюродные сестры.
3.	Г'опта эңпичив' йонатәлқэла, г'оптат никэв'ви қайтумгу әннәннику қонпәу много.	И родители жили, и, как их, родственники, одновременно всегда много.
4.	И мәтнәкак в'ай гитиг ҫвоткән, вот это время, да? и мәтав'авлат г'опта тәләң на море, аңқаң мәтав'авлаткән.	И мы, как его, вот уёк начинается, вот в это время, да? и уезжаем тоже туда, на море, на море уезжаем.
5.	И һанәк г'опта и палатки нантвассигәткәнав'ви.	И там тоже и палатки ставят.
6.	И мәтәңвулат, ой нәмисәра мәтйонатәлқивлат со всеми, с многими, никүт, лодьми.	И начинаем, ой хорошо живем со всеми, с многими, как их, лодьями.
7.	Так приятно было всегда.	
8.	И мәтәңволат никә кун в'айә гитиг наймәткән нәмкәра.	И начинаем, как же его, этот уёк черпают много.
9.	Пчә мәтәңволат обедатәк, потом мәтәңволат инэтив'ләтәк гитиг тәш'авәк.	Пока (сначала) мы начинаем обедать, потом таскать уёк, чтобы сушить.
10.	Нәмкәра гитиг мәтәңвола тәйкәк на зимү.	Много уйка мы начинаем заготавливать на зиму.
11.	И ҫәтәйү никэв'ви балаганы нәйәрәтәткәнә ктавән, чтоб ләқләңки, чтоб было қонпәң ника гитиг.	И, как их, балаганы набивают, чтобы зимой, чтобы всегда был уёк.
12.	И морәккәң, и г'әтт'әң всегда хватало, до лета даже.	И нам, и собакам всегда хватало, до лета даже.
13.	И ҫволат кукэйвәк женщины әннәннику.	И начали готовить женщины вместе.
14.	В'ай если никүт эргичәлқивәткән, так? ветрав'ви нәникәткәнә кукэйвә, нәкукэйвәткәнә вэтрайпәң.	Вот если начинается дождь, так? ведра, как его, варят по ведру (еду).
15.	Гамгаполоқак ҫволат эв'әйик.	В каждой палатке начинают есть.
16.	То если мэләтәткән, әнтав'әт гаргәнок.	А если хорошая погода, то на улице.
17.	Раньше нуҫйәв'әлаң доски, вот такие широкие, море қонпә выбрасывало откуда-то.	Раньше широкие доски, вот такие широкие, море всегда выбрасывало откуда-то.
18.	Эти в столы делают вот так.	
19.	Стол нәникәткәнә нәттиләткәнә	Стол, как его, ставят вдоль, туда.

	нэвигдөж тэла.	
20.	И камлэмэ вагатчиллат тумгу, ой, так тэмиссам.	И вокруг сидят люди, ой, так хорошо.
21.	А җанэк мэтэпцэткулаткэн тэгиттиҗи.	А потом мы заканчиваем готовить уёк.
22.	Г'опта Һэҗэмкумэвэткэн гиттив'ви.	И складываем уёк на хранение.
23.	Өнтав'эт тэлөң пока рараң мэтгэнталлат, в Лесной.	Пока туда, домой, мы бежим, в Лесную.
24.	Җанэк мэтэткулат, өнтав'эт тэлөң аванвэң, на рыбалку.	Там мы заканчиваем, потом туда, на рыбалку.
25.	Лгэммэн г'опта омакаллаткэн қайтумгу г'опта.	Снова вместе собираются родственники.
26.	Накноза полоқағ' нэвүтэткэнэ.	Много палаток привязывают.
27.	Лгэ так миссаң эгэв мәтйонатэлқэла.	На самом деле так хорошо мы раньше жили.
28.	Раньше не было никэв' путили.	Раньше не было, как их, бутылок.
29.	Элдэ микэа ив'ичик итэлқивэт.	Никто не пил.
30.	Так приятно жили, вообще.	
31.	Стеглянка алрука, эңнин даже не видно нигде было, босиком қун бегали.	Стегляшек не видно, этих даже не было видно нигде, босиком ведь бегали.
32.	Җанэк никак рыбалка мэтэткулаткэн, тэл в'айамэң матав'авлаткэн, эңдэккэ қоншэң.	Там, как его, рыбалку заканчиваем, туда на речку уходим, босиком все время.
33.	Не боялися, что стекло где-то есть.	
34.	Даже нигде не валялися.	
35.	Это после тридцатого, вот так вот, в сороковые.	
36.	Өннэннику г'опта нэкалаткэн, накноза унмэк энну нанмэткэнав'.	Вместе тоже, как его, много сильно рыбы ловили.
37.	И җволат инэтив'лэтэк җанэк в'эйэмэк, тоже никэ қун в'ай, пом гатэк родителям, пока не уберут всё, косточки.	И начали таскать там, на реке, тоже, как же его, вот, помогать родителям, пока не уберут всё, косточки.
38.	Мэтэҗволаткэн никэ зйивкэ икра, мэтэживэлқивэткэн.	Мы начинаем, как его, нанизывать икру, нанизываем.
39.	И мэтэҗволаткэн тэмтэк никэв'ви тэв'элау.	И начинаем мы мять, как их, юколу.
40.	И мэтэҗвоткэн тив'лэк тэлэң, кто-то начинает никэк в'ай вешать балагане.	И мы начинаем таскать туда, кто-то начинает, как его, это вешать на балагане.
41.	Нэмкэза ван эгэв заготовливали они тэв'элау на зиму.	Много же раньше заготавливали они юколы на зиму.

Яганов Михаил Григорьевич

Фрагмент сказки «Как Эмэмкут женился на росомахе»

1.	Өмб, тэпкавэҗкэн гэммэ гаңав'гәңәк никаң Эт-гаҗапарҗав'эт.	Плохо, не могу я жениться на светлой росомахе.
2.	А Шишишэң гивлин: Тук қун мәҗиңцэтгәт гэмнан.	А Сисисьын сказал: Ну, я тебе помогу.
3.	Өнҗин ван гаймэҗарҗән мэттэйқәнмәк.	Сделаем мы приманку.
4.	Аттә йа гаңволаң в'ай гэлэлэң Эмэмкутәкәлэң.	Ну и начали, пришел Эмэмкут.
5.	Мникак в'ай, йайар кәттәң нг'айҗақин қтэйкгән.	Давай-ка я вот, бубен звонкий сделай.
6.	Эмэмкутәкәлэңәк гэтэйкәлин йайар, йайарҗақ, бубен.	Эмэмкут сделал бубен, большой бубен.
7.	Йаққачэам га этвас мәнәңвомәк җаваңйуқ.	Теперь понемногу будем свататься.
8.	Мәткичаңәк әнйэтән.	Пусть она придет.
9.	Гәттә в'утәкку қитқаги мәли-гәңә.	Ты здесь спрячься подальше.
10.	Гаңволән Шишишэң йайайәтқук.	Начал Сисисьын бить в бубен.
11.	Гаңволаң ивәк: Этгаҗапарҗав'эт, айайталкәлэңгәм, аниңвиткәлэңгәм, йайталу мәлҗәгәт, ниңвиту мәлҗәгәт.	Стал говорить: Светлая росомаха, у меня нет души, у меня нет дьявола, душой тебя сделаю, дьяволом тебя сделаю.
12.	Этгаҗапарҗав'эт гаваломлән эмйәқинкинэ г'айңэң әнин.	Светлая росомаха услышала откуда-то его зов.
13.	Өнҗи гайқамҗава қапарҗав'эт гәлэлин әнәккә.	Пришла к нему росомаха.
14.	Эттәнәк Эмэмкутәкәлэң га йәкчавлән, гамарҗиңцәлән, амалваң қапарҗав'эт гэгәнтәвлин.	Тут Эмэмкут поторопился, бросился, росомаха убежала.
15.	Гаңволән ника қун: ав'ән г'от қә гәттә гав'элқивэтән?	Начал, как же его (Сисисьын): Как же это ты ее упустил?
16.	Өнқәт, лгэммән гаңвол йаққачэам, лгэммән ңитақавқин.	Вот так, снова начал изо всех сил, снова, во второй раз.
17.	Лгэммән қонвоҗә йайайәтқук, г'айңэвәк: Этгаҗапарҗав'эт, айайталкәлэңгәм, аниңвиткәлэңгәм, йайталу мәлҗәгәт, ниңвиту мәлҗәгәт.	Снова начинает бить в бубен, звать: Светлая росомаха, у меня нет духа, у меня нет дьявола, духом будь для меня, дьяволом будь для меня.

Яганова Мария Кондратьевна
Фрагмент сказки «Старуха-нинвит и мыши»

1.	Пи́пиқа́дну тамга́т'а́ду, қо́нпаң та́дэко́лжалла́ткән қан а́йкэ́тэ́к.	Мыши каждый день, все время катаются, как его, там, на высоком берегу реки.
2.	Э́сгики́нэ́к а́ннин г'э́лау́нни п'но́па́дқа́к, қо́нпаң та́нгалла́ткән г'ерго́дадқа́к, қан та́дэ́жалла́ткән и́рургар пи́- пи́қа́днани.	Однажды это нашли на вершине сопки (место), все время взбираются на вершину, там катаются втроем мышата.
3.	Ә́ннән... и́тэ́рг'е́р мэ́днә́- мэй'а́лэ́н то́ қо́нпаң а́д, та́йу́ши, қамқа́ннэ́н нэ́туми́ э́таткән а́мән нэ́канва́н, та́дэко́нва́н.	Один... вдвоем уже подросшие, и все время младшего брата маленького тоже берут с собой, как его, кататься.
4.	Қо́нпаң г'а́ни'а́ца́қу а́ннин и́вола́ткән та́дэ́дэ́тэ́к то́ и́вола́ткән а́малва́н ник пи́пи́қи'а́йпа́к: Пи́-пи́-пи́, қо́нпаң.	Все время, весь день эти начинают кататься и начинают всячески, как его, по-мышьиному кричать: Пи-пи-пи, – все время.
5.	В'а́йән г'а́л мэ́нга́шал, в'а́йән қор, в'а́йән никну́т, в'а́йән в'у́тку мэ́нга́шал, в'у́ткә́нә мэ́нгалэ́дкә́лә.	Вот туда мы поднимемся, вот сюда, вот, как его, вот здесь мы поднимемся, вот по этому месту мы покатимся!
6.	Қу́мца́чирла́ткән а́ннин, ни́ви г'э́лпә́цав г'оро́ г'ә́нә́кйэ́влэ́н.	Кричат эти, старуху-нинвит потом разбудили.
7.	Ни́ви г'э́лпә́цави́н а́ннин ра́- ра́ңа г'и́гә́лқи́.	Старухи-нинвит дом (там) был.
8.	Ә́ннин г'ә́кмидли́н а́ннин и́мэй'а́ққин а́нниңә́ ника и́тэ́ки қа́қу.	Эта взяла этот большой ее, как его, большущий мешок.
9.	И́аво, қу́н ми́зкала́тэ́к ми́ола́тэ́к и́тэ́китук!	Погодите, уж я вас, как его, засуну в мешок!

Заключение

Документация бесписьменных исчезающих языков Сибири и Дальнего Востока представляет особый интерес, так как этот регион со времени появления здесь человека современного типа является зоной интенсивных языковых контактов. Поэтому образцы речи носителей некоторых

языков и диалектов содержат результаты взаимодействия языков, которые выявляются в процессе их документации.

В речи носителей алюторского языка из с. Лесная, находящегося на западном побережье Камчатки, зафиксировано несколько типов языковой интерференции: взаимовлияние неблизкородственного (русского) языка и родного языка с образованием русско-алюторского смешанного двуязычия; влияние диалекта близкородственного (корякского) языка на родной с освоением основных закономерностей более престижного диалекта; взаимовлияние нескольких равноправных диалектов алюторского языка с образованием койне.

Для адекватной документации фактов взаимодействия языков необходима полная паспортизация носителей языка, подвергнувшегося контакту, с указанием всех обстоятельств языкового взаимодействия. Публикации текстов должен предшествовать детальный лингвистический анализ, который показал бы, на каких языковых уровнях и в каких именно средствах проявляется данное языковое взаимодействие.

Образцы фольклорных текстов, содержащих результаты языковой интерференции, не могут считаться образцовыми и не подходят для публикации в серии памятников фольклора, но представляют собой ценнейший лингвистический материал, который показывает пути влияния и взаимовлияния языков. Необходимо провести дальнейший планомерный поиск результатов межъязыкового и междиалектного взаимодействия на Камчатке, тем более что после так называемого «укрупнения», когда маленькие населенные пункты были закрыты, а их жители переехали в крупные поселки, прошло примерно 30-40 лет, за это время сменилось два поколения, и в крупных поселках результаты языкового взаимодействия должны обнаружиться.

Список использованной литературы

Вахтин Н. Б., Головки Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб, 2004. 335 с.

Мальцева А. А. Диалекты алюторского языка: современное состояние // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (Новосибирск, 29-31 января 2006 г). Новосибирск, 2006. С. 156-164.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2000. 206 с.

Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М., 2003. 316 с.